

Л. Н. Столович

О СУДЬБЕ
ТАРТУСКОЙ КАНТИАНЫ

В эссе рассказывается о судьбе связанных с Кантом ценнейших собраний и рукописей библиотеки Тартуского университета, которые в 1895 г. были отправлены в Прусскую академию наук в Берлин для подготовки издания полного собрания сочинений Канта, однако так и не вернулись тогда назад в Тарту и надолго выпали из поля зрения исследователей.

Der Essay behandelt das Schicksal der mit Immanuel Kant verbundenen Materialien, die in der wissenschaftlichen Bibliothek der Universität Tartu aufbewahrt werden. Im September 1895 wurde dieses Teil des Archivs von Kant, die sogenannte «Kantiana von Tartu», an die Preussische Akademie der Wissenschaften zu Berlin anlässlich der Vorbereitungen zur Edition von Kants Gesammelten Schriften ausgeliehen. Aber die Originale aus Tartu sind damals in Deutschland verblieben und für die Kantforschung verlorengegangen.

В научной библиотеке Тартуского университета с давних времен хранятся четыре письма и записка Иммануила Канта из различных архивных коллекций:

1. Письмо Гердеру (Johann Gottfried Herder, 1744—1803) от 9 мая 1768 г. Оно находится в коллекции писем, собранных К. Моргенштерном.

2. Письмо Теодору Готтлибу Гиппелю (Theodor Gottlieb Hippel, 1741—1796) от 15 марта 1764 г., которое находится в коллекции автографов архивариуса Петербургской академии наук и консерватора Эрмитажа Фридриха Людвига Шардиуса (1795—1855), подаренной Тартускому университету в 1852 г.

3. Письмо Иоганну Шульце (Johann Schulz, 1739—1805) от 16 августа 1790 г., подаренное университету в 1862 г. статским советником Авериным.

4. Письмо Карлу Моргенштерну от 14 августа 1795 г., в котором Кант благодарит адресата за присланную ему диссертацию Моргенштерна «De Platonis republica commentationes tres». Однако, по сообщению заведующей отделом редких книг и рукописей библиотеки

Тартуского университета Марс Ранд, в начале 90-х гг. прошлого века письмо исчезло [22] = [10, S. 96].

5. Записка Канта от 2 сентября 1792 г., находящаяся в коллекции Шардиуса.

Все эти письма опубликованы в собрании сочинений Канта (*Kants gesammelte Schriften*, herausgegeben von der Preussischen Akademie der Wissenschaften. Vde. 10—12. Berlin, 1900—1902), а записка Канта в книге: *Кант И.* Трактаты и письма. М., 1980. С. 635, 674—675 (публикация А. В. Гулыги, А. Н. Столовича, Х. А. Танклера)¹.

Когда я с 1953 г. начал работать в Тартуском университете и знакомиться с его библиотекой, обнаружилось, что некогда в ней находилась часть архива Канта.

Среди ценнейших собраний книг и рукописей библиотеки Тартуского университета было 461 письмо, адресованное великому немецкому философу Иммануилу Канту, а также две книги из его личной библиотеки: *Baumgarten A. G. Metaphysica*. Halle, 1757 и *Meyer G. F. Auszug aus der Vernunftlehre*. Halle, 1752 — буквально испещренные заметками кёнигсбергского мыслителя (достаточно сказать, что публикация этих заметок заняла три тома академического собрания сочинений Канта). Эта кантиана была привезена в Тарту учеником Канта, которому философ доверил издание своей «Логики», а также лекции по метафизике, *Готтлобом Бенямином Йеше (Gottlob Benjamin Jaesche, 1762—1842)*, приглашенным в 1802 г. в Дерптский (Тартуский) университет в качестве профессора философии. «Логику» Канта Йеше издал в 1800 г., но лекции по метафизике он выпустить не сумел². Йеше подарил имевшуюся у него часть кантовского архива своему другу — основателю библиотеки Тартуского университета Карлу Моргенштерну, а последний завещал ее библиотеке.

Вот как сам Карл Моргенштерн описал в каталоге рукописей под №ССХСІ подарок своего друга: «Кантиана. Письма к Канту. Написанные рукой их авторов. Величина — четвертая доля листа. Полуантичный переплет. 722 страницы. Кроме того, именной указатель на 3 нумерованных листах. Переплет заказан мною. Собрание было передано в мое свободное распоряжение более чем тридцать пять лет тому назад моим покойным другом Йеше³. Помимо этого, еще те, которые до тех пор хранились в старом ящике, кожаный верх которого был поеден молью, были мною собраны и определенным образом упорядочены и объединены в другой полуантичный переплет, в 1843, наконец, предварительно разделены на 5 пакетов, в марте 1844 в алфавитном порядке письма к Канту объединены во второй полуантичный переплет, 1088 стр. Некоторые также им собственноручно надписаны»⁴.

Известный историк философии Куно Фишер писал в предисловии к 4-му изданию IV тома «Истории новой философии» 28 августа 1897 г.: «Йеше, ученик Канта и издатель его Логики, подарил имевшиеся у него письма к Канту своему другу, библиотекарю Моргенштерну в Юрьеве, а последний за-

¹ Сообщения об этих автографах Канта публиковались неоднократно. См. [2, с. 76—79].

² Другую часть своего архива Кант доверил ориенталисту и теологу Фридриху Теодору Ринку (Friedrich Theodor Rink, 1770—1811), который слушал лекции Канта в 1786—1789 гг., затем изучал филологию в Лейдене у профессора Давида Рункена (David Ruhnken) — школьного друга Канта. В 1795 г., возвратившись в Кёнигсберг, Ринк вошел в дружеский круг Канта. Кант доверил ему издать «Физическую географию» и «О педагогике». См. [23] и в статье *Эдуарда Пархоменко (Eduard Parhomenko)* [19].

³ Готтлоб Беньямин Йеше — издатель лекций Канта.

⁴ Отдел рукописей и редких книг научной библиотеки ТГУ, каталог.

вещал их Юрьевской университетской библиотеке, где письма хранятся в двух томах в четвертую долю листа в числе 461, из которых не напечатано и шестидесяти» [9, с. 143].

Однако эта часть кантовского архива, «Тартуская кантиана», отмеченная в каталогах, почему-то отсутствовала. Куда она подевалась? Начинаю архивные поиски, и вот что обнаружилось.

Кантиана хранилась в университетской библиотеке до 11 (23) сентября 1895 г., т. е. до того, как она была отправлена в Прусскую академию наук в Берлин для подготовки издания полного собрания сочинений Канта (*Kant's Gesammelte Schriften*). Разрешение на посылку этих материалов для временного их использования было дано правительством России. Газета «Рижский вестник» писала в № 243 от 2 ноября 1895 г., что «Министерством народного просвещения испрошено Высочайшее Соизволение на временную высылку в Берлинскую академию наук рукописей философа Канта, принадлежащих Юрьевскому университету».

В научной библиотеке Тартуского университета хранятся письма из Прусской академии наук, написанные в том числе такими видными немецкими философами, как *Герман Дильс (Hermann Diels)*, *Вильгельм Дильтей (Wilhelm Dilthey)*, *Бенно Эррман (Benno Erdmann)*; по этим письмам можно проследить «перемещение» тартуской кантианы по Германии. В статье проф. Арсения Гулыги, сотрудника научной библиотеки ТГУ Хайна Танклера и автора этих строк «О рукописном наследии Канта в Тартуском университете» [3] прослеживаются по сохранившимся документам пути движения тартуской кантианы по Германии, публикация ее в академическом собрании сочинений Канта, 18-й том которого — последний из томов, содержащих тартуские материалы, — вышел в 1928 г. Несмотря на многочисленные напоминания, просьбы и требования вернуть кантиану в Тарту (в 1930-е гг. директор библиотеки Фридрих Пуксоо неоднократно настаивал на возвращении тартуской кантианы), она осталась в Германии...

Какова дальнейшая судьба тартуской кантианы? Сохранилась она или стала еще одной жертвой Второй мировой войны? Вместе с тем уже после войны в научную библиотеку ТГУ приходили письма даже немецких ученых, спрашивающих, где кантиана. Профессор А. Гулыга обратился с запросами о местонахождении кантианы к коллегам из ГДР, ФРГ и Западного Берлина. Единственное, что удалось установить: в Западной Берлине имеется фотокопия коллекции. Пришлось предположить самое печальное, и статья «О рукописном наследии Канта в Тартуском университете» заканчивалась грустной фразой: «Что касается подлинников, то они, по-видимому, погибли во время войны».

Но верить в это не хотелось. Продолжаю расспрашивать людей, имевших какое-либо отношение к рукописным коллекциям университета, знатоков тартуских собраний ценнейших материалов. Подбадриваю себя воспоминанием о давней удаче. В начале 1960-х г. я заинтересовался судьбой книг, принадлежавших великому немецкому просветителю *Йоганну Готфриду Гердеру*. Известно было, что часть книг гердеровской библиотеки была приобретена библиотекой Тартуского университета. Но безграмотный чиновник, командовавший библиотекой в первые послевоенные годы, приказал расставить книги гердеровской библиотеки «все по местам», и они оказались рассеянными среди сотен тысяч книг библиотечного собрания. Теперь ищи ветра в по-

ле! Однако работавшая в то время в отделе редких книг и рукописей научной библиотеки М. Либлик вспомнила, что гердеровской библиотекой занимался библиограф Эдуард Вигель. М. Либлик удалось обнаружить в бумагах покойного Э. Вигеля статью «К изучению истории библиотеки И. Г. Гердера», а также список книг из личной библиотеки замечательного мыслителя. Эти материалы были опубликованы мною в VI томе «Трудов по философии» [8], и сохранившаяся часть библиотеки Гердера была выявлена...

И вот однажды в старом лектории (место, в котором собирались преподаватели во время перерыва занятий) главного здания Тартуского университета рассказываю все, что знаю о тартуской кантиане, доктору юридических наук Лео Леэсменту. «Подождите, — говорит он, — я смутно помню о разговоре с одним немцем, кажется, в 1963 г., который видел эти материалы. Я должен посмотреть в своих бумагах сделанную тогда запись».

Скажу откровенно, я не поверил, что речь шла о тартуской кантиане. Поэтому я не стал торопить Лео Леэсмента. Но месяца через полтора после нашего разговора мы случайно встретились на Ратушной площади, и он протянул мне листок бумаги, на котором указывался адрес архива Академии наук ГДР, где знакомый Лео Леэсмента видел два тома писем к Канту.

Но, может, это были фотокопии? Казалось невероятным, что разыскиваемые многими исследователями материалы лежат буквально у всех на виду — в Центральном архиве Академии наук ГДР.

И вот в конце августа 1979 г. мне довелось быть в Берлине по приглашению художника Курта Магритца.

Конечно же, одно из первых дел — посетить архив. Вот я на тихой Отто-Нушке-штрассе у дома Академии наук. Захожу в Центральный архив. Представляюсь. Спрашиваю: «Нет ли у вас писем к Канту из собрания Карла Morgenштерна? Меня интересуют также книги Баумгартена и Мейера с пометками Канта». Исполняю необходимые формальности для работы в архиве. Сотрудница архива спрашивает меня о моих научных интересах, приведших меня сюда, и просит зайти через три дня, ничего не обещая.

С замиранием сердца переступаю порог архива в положенный срок. Меня проводят в рабочую комнату и приносят два тома в старинных переплетах. Открываю и вижу знакомый книжный знак Карла Morgenштерна.

В первом томе 724 пронумерованные страницы рукописей, во втором — 1088. Всего 461 письмо. Среди них под № 163 и 164 письма Фридриха Шиллера. Девять писем Фихте. Письмо Виланда. На отдельном листке отмечены имена тех, кто работал над этими документами. Их всего три человека. Последний из них, д-р Зейферт — знакомый Лео Леэсмента — интересовался письмом Виланда 31 января 1957 г.

Принесли мне и книгу Г. Ф. Мейера, всю исписанную рукой Канта. Она в новом кожаном переплете. Как видно было из приложенной справки, в 1974 г. книга реставрировалась в Дрездене. Книги Баумгартена не оказалось. Куда ее забросила судьба?⁵

Тартуская кантиана опубликована в академическом собрании сочинений Канта. Но это не уменьшает исторической ценности ее оригинала. И ученым придется еще не раз обратиться к этим документам при новых изданиях кантовских материалов.

⁵ Впоследствии выяснилось, что «Метафизика» Баумгартена с пометками Канта находится в Гёттингене (см. [18, Н. 4, S. 483]).

* * *

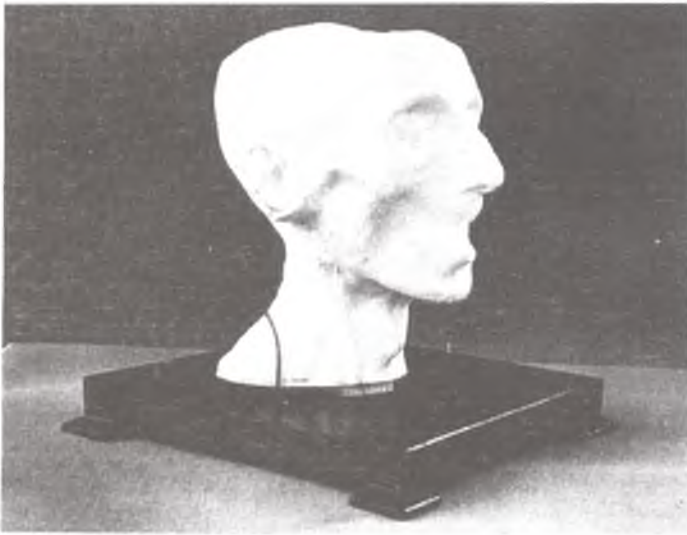
Когда были написаны эти строки, в Тартуском университете обнаружилась еще одна реликвия, непосредственно связанная с Иммануилом Кантом.

Моя дочь Инна в это время училась на психологическом отделении Тартуского университета. Она со своими сокурсниками проходила практические занятия по анатомии. Однажды она пришла с занятий и сказала:

— Папа, а ты знаешь, что в анатомикуме находится маска твоего любимого Канта?

Я этого не знал. И сразу же побежал в анатомикум и вошел в кабинет через комнату, в которой лежали трупы.

И вот оказалось, что в анатомическом кабинете ТГУ, в шкафу рядом с различными анатомическими препаратами стоит ... посмертная маска великого мыслителя. Сотрудники кафедры анатомии, конечно, знали, что в анатомическом музее имеется посмертная маска Канта. Но для них это был лишь образ смерти. Возможно, для старой профессуры имя Канта было значимым, но медики нового поколения не очень интересовались каким-то философско-идеалистом. О том же, что в Тарту находится посмертная маска великого Канта не знали, как оказалось, даже такие большие знатоки богатств университета, проработавшие в нем десятки лет, как д-р Лео Лезсмент, доц. Александр Эланго, Виллем Эрнитс, который, казалось, знал всё. Объяснение этому довольно простое: какой гуманитарий добровольно пойдет в кабинет анатомии буквально «по трупам»?

Посмертная маска Канта, хранящаяся в музее классических древностей Тартуского университета

Как попала посмертная маска Канта в университет? Об этом пока можно строить только догадки. Инвентарная книга университетского музея классических древностей, где должна быть зарегистрирована маска, до сих пор не найдена (не исключено, что она была вывезена во время эвакуации университета в период Первой мировой войны). Вероятнее всего предположить, что маску привезли для проф. Йеше, свято чтившего все, что связано с его учителем. Но это, разумеется, только предположение.

Что касается самой маски, то можно точно назвать имя художника, ее отлившего. Это проф. Кнорре из Кёнигсбергской художественной школы (см. [24, S. 334]).

В книге К. Х. Клазена [14] отмечается, что с формы, снятой проф. Кнорре, была отлита бюстоподобная маска в трех экземплярах. Один из них попал в Берлинский анатомический музей, другой в Прусское общество древностей (этот экземпляр получил повреждения и был затем реставрирован), третий в государственный архив в Кёнигсберге (см. [14, S. 27]). Может быть, маска Канта, хранящаяся в ТГУ, была четвертым экземпляром? Вель о ней ничего не известно было широкой общественности.

Лицо великого мыслителя обезобразила смерть. Маска несет на себе следы ее «критики» погасшего разума. Поэтому, несмотря на обычаи тех времен хранить посмертные маски выдающихся людей (например, известно много масок Бетховена), вряд ли маска Канта отливалась многократно. Пока нам неизвестна судьба и тех трех экземпляров маски Канта, оставшихся в Германии. Пережили ли они Вторую мировую войну? Тем большую ценность представляет ее экземпляр, хранящийся в Тартуском университете.

Последние строки писались мною в 1998 г. Но в «*Berlinische Monatsschrift*», Heft 4/99 появилась статья: *Heinrich Lange* «Totenmaske Kants in Berlin wiederentdeckt» («Посмертная маска Канта вновь открыта в Берлине»). В ней сообщается, что в анатомическом собрании Института анатомии Берлинской клиники *Charité* (*in der Anatomischen Sammlung des Instituts für Anatomie der Berliner Charité*) обнаружился экземпляр посмертной маски Канта. Публикуемые фотографии этой маски точно соответствуют тому экземпляру, который находится в Тарту. Автор приводит известные данные об изготовлении маски. Он проявляет осведомленность о том, что Леонид Столович писал об обнаружении посмертной маски Канта (*Heinrich Lange* прочитал об этом в немецком издании 1985 г. биографии Канта, написанной А. Гульгой).

Однако автор статьи «*Totenmaske Kants in Berlin wiederentdeckt*» делает фантастическое предположение, будто тартуский экземпляр маски попал в Тарту из Кёнигсберга после Второй мировой войны. Не говоря уже о том, что захваченные Советской армией в Германии немецкие архивы и ценности никогда не попадали в Эстонию, есть свидетельства о том, что маска Канта, хранившаяся в Тарту, хотя и находилась в безвестности, все же была кое-кому известна. Видный кантовед *Rudolf Maller* в статье «*Kantiana in Dorpat (Tartu)*», опубликованной в авторитетном журнале «*Kant-Studien*» [18], благодарит госпожу Анке из *Albert-Akademie Königstein* за сообщение о том, что во время обучения медицине в Тарту в тридцатые годы она сама видела посмертную маску Канта в анатомическом музее [18, S. 486].

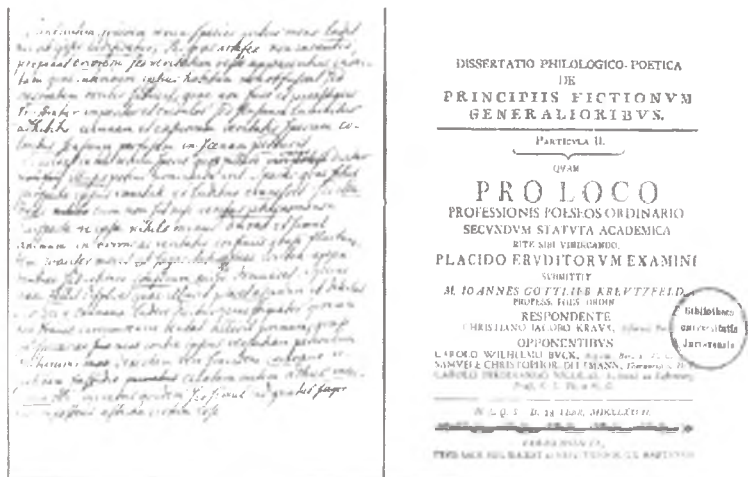
Что же касается так называемой посмертной маски Канта (о которой так же пишет *Heinrich Lange*), находящейся в музее Канта в современном Калининграде, то история ее такова. После сообщения о нахождении маски Канта в Тартуском университете в Тарту из Калининграда приехал молодой человек, учившийся в художественно-промышленном училище. Он просил, чтобы ему разрешили скопировать посмертную маску Канта контактным способом, т. е. наложить на нее воск, а потом по полученной форме сделать гипсовую копию. Разумеется, ему это сделать не разрешили. Тогда он создал визуальную копию маски — рисовал и лепил ее, глядя на оригинал. Копия получилась, на мой взгляд, довольно грубая. Она-то и выставляется в калининградском музее Канта. Новые работники музея не знали о появлении этой копии маски и обращались ко мне за разъяснениями.

Когда я писал этот очерк, я не знал о том, что в Тартуском университете хранится еще одна реликвия, связанная с великим Кантом. В марте 2001 г. в

музее Тартуского университета состоялась необычная выставка посмертных масок. Экспонировалась на выставке и маска Канта. Однако для меня был полной неожиданностью другой экспонат выставки — *гипсовая копия черепа Канта*, помещенного над профильным изображением оригинала. В этой связи возникает два вопроса: как стало возможным сделать копию черепа философа и как эта копия попала в Тарту?

Дело в том, что в 1880 г. в Кёнигсбергском соборе, в котором был похоронен философ, возвели часовню и в связи с этим возникла необходимость его перезахоронить. Есть рисунок, изображающий этот процесс: из вскрытой могилы извлекается череп Канта. Поэтому-то он и стал доступен исследователям еще в начале 80-х гг. позапрошлого века. В моей библиотеке находится отпечаток статьи (его нашел у букинистов профессор *Peeter Tulviste* и подарил мне) из немецкого ежегодника «Das Morphologische Jahrbuch» за 1906 г. выдающегося анатома и антрополога *Августа Раубера* (*A. Rauber*, 1841–1907), ставшего с 1886 г. профессором Дерптского университета; у этой статьи очень необычное название: «Der Schadel von Immanuel Kant und jener vom Neandertal» («Череп Иммануила Канта и череп неандертальца») — Leipzig, 1906. Есть все основания согласиться с мнением организатора выставки Кена Каллинга, что именно А. Раубер привез в Тарту копию черепа Канта, а также копию черепа Бетховена, также представленного в экспозиции.

В тартуской кантиане находилась еще одна ценнейшая реликвия, в течение долгого времени пребывавшая в безвестности. Речь идет о диссертации Крейцфельда на латинском языке («Филологическо-поэтическая диссертация об общих принципах вымысла»), на свободных страницах которой И. Кант написал на латинском языке текст своего оппонентского выступления. Об этом сообщалось еще в позапрошлом веке в каталоге книг и рукописей основателя библиотеки Тартуского университета Карла Моргенштерна [11, р. IX, MCCLXXX]. Там же отмечено, что диссертация «приобретена из наследства Йеше в 1843 г.». На самой диссертации над экслибрисом К. Моргенштерна имеется его пометка: «Olim Jaschii [Некогда было у Йеше] Ex libr. Morgenstern. 1843».

Титульный лист диссертации Крейцфельда с частью текста «Тартуской рукописи» Канта

Почему рукопись Канта на диссертации Крейцфельда оказалась в Тарту, в то время как остальная часть кантианы была отправлена в Германию? Первоначально я предположил, что «Тартуская рукопись» не посылалась вообще, так как оппонентское выступление Канта было написано четким почерком (видимо, это было сделано, чтобы легче прочитать текст) и его можно было скопировать на месте. И действительно, рукопись Канта была скопирована в Тарту и впервые опубликована в журнале «*Altpreussische Monatsschrift*» Артуром Вардой [13, Bd. XLVIII, N. 4, S. 662—670]. В научной библиотеке Тартуского университета хранится оттиск этой публикации, по-видимому, присланный автором. В 1911 г. в журнале «*Kant-Studien*» появился немецкий перевод «Тартуской рукописи» с кратким предисловием переводчика, а в 1913 г. эта рукопись была тщательно воспроизведена в XV томе академического издания сочинений Канта [17, S. 903—935].

Сначала я полагал, что публикация «Тартуской рукописи» в собрании сочинений тоже была сделана по копии. Однако уже после того, как местонахождение рукописи стало известно международной научной общественности через средства массовой информации, ко мне обратился научный сотрудник Архива Канта при Марбургском университете Вернер Штарк (*Werner Stark*). В своем письме от 1 марта 1985 г. он писал, что не может представить себе, чтобы проф. Эрих Адикес (*Erich Adickes*), расшифровывавший рукописи Канта для академического собрания сочинений, мог сделать публикацию по копии, а не по оригиналу. Помимо этого соображения, В. Штарк сообщил, что в материалах Кантовской комиссии Берлинской академии наук, находящихся в Центральном архиве АН ГДР, он видел документы, свидетельствующие о том, что диссертация Крейцфельда с рукописью Канта была в Германии и возвращена в Тарту до 1914 г.

Обратившись к архиву научной библиотеки ТГУ, я обнаружил переписку относительно отправки диссертации Крейцфельда проф. Э. Адикесу для временного пользования: 21 сентября 1911 г. директор библиотеки В. Э. Грабарь (брат известного художника и искусствоведа Игоря Грабаря) обратился в правление университета с предложением удовлетворить просьбу проф. Адикеса о высылке ему диссертации Крейцфельда; 4 октября правление университета в письме в библиотеку уведомило, что поддержало просьбу Прусской академии наук о отсылке этой диссертации; 13 октября 1911 г. она была выслана через Министерство иностранных дел. В письме же от 22 апреля 1913 г. правление университета уведомляет директора библиотеки о том, что диссертация Крейцфельда, находившаяся в пользовании профессора Тюбингенского университета Эриха Адикеса, возвращена 9 апреля 1913 г. (см. [1]). Следовательно, после подготовки XV тома академического собрания сочинений Канта, в котором по оригиналу была опубликована «Тартуская рукопись» Канта, она была возвращена накануне Первой мировой войны, в отличие от другой части тартуской кантианы.

Однако научной общественности все это было неизвестно. Полагали, что рукопись Канта осталась в Германии. Там ее тщетно искали, а она спокойно лежала в научной библиотеке Тартуского университета. Ее никто никогда не затребовал из фонда. Работая над статьей «Кантиана в Дерпте (Тарту)», известный западногерманский кантовед проф. Рудольф Мальтер, после безуспешных поисков рукописи Канта в Германии в письме ко мне от 11 ноября 1983 г. просил выяснить, не сохранилась ли она чудом в Тарту. И вот чудо оказалось реальностью.

Знакомство с оригиналом не оставляет сомнений, что перед нами действительно рукопись Канта, хотя она не подписана и его имя не обозначено в качестве оппонента на титульном листе как первой, так и второй части диссертации. Что касается подписи, то она, естественно, отсутствует, так как речь писалась для себя. Оппонировал ли диссертацию Крейцфельда именно Кант?

Крейцфельд преподавал в кёнигсбергской староградской школе (*altstädtische Schule*), но в связи с вакансией места профессора поэтического искусства (*Dichtkunst*) в университете должен был защищать две диссертации, чтобы занять эту должность (одна для принятия в члены философского факультета, вторая — на соискание места ординарного профессора поэзии). Диссертации представляли собой две части работы, имевшей общее название: «*Dissertatio philologico-poetica de principiis fictionum generalioribus*». Диспут по первой из них происходил 25 февраля 1777 г., по второй — 28 февраля. Респондентом, т. е. участником диспута, который, в отличие от оппонентов, поддерживал соискателя, был *Христиан Якоб Краус* (*Christian Jacob Kraus*) — ученик Канта, ставший его коллегой. Оппонентами, как это было принято, выступали три студента. Интересно отметить, что среди оппонентов Крейцфельда по первой диссертации был *Эбреггт Андреас Христов Васянский* (*Ebregott Andreas Christoph Wasianski*) — слушатель, а впоследствии последний домоправитель Канта, свидетель кончины великого философа. Кстати, в библиотеке Кёнигсбергского университета хранился экземпляр диссертации Крейцфельда, сброшюрованный так же, как и тартуский, с текстом речи одного из трех студентов-оппонентов.

Однако, помимо оппонентов-студентов, на диспуте должны были также выступать в качестве оппонентов по меньшей мере два ординарных профессора того факультета, к которому принадлежал соискатель. На диспуте по второй диссертации 28 февраля 1777 г. и выступил Иммануил Кант. Несомненным подтверждением того, что оппонентом был не кто иной, как Кант, служит и то, что в конце оппонентской речи содержится обращение к респонденту Краусу: «Я включил Вас уже давно в число моих самых лучших слушателей». Это мог сказать только Кант. Почерк рукописи соответствует автографу Канта на латинском языке, имеющемуся в Научной библиотеке Тартуского университета⁶. Но помимо всего Йеше и Моргенштерн вряд ли могли ошибиться в определении авторства рукописи.

Хотя эта рукопись и была опубликована, подлинник ее, разумеется, не утрачивает своей культурно-исторической и научной ценности. Но вместе с тем обнаружение автографа Канта, перевод его на русский язык и исследование, сопряженное с новой публикацией, показало, что «Тартуская рукопись» представляет чрезвычайно большой интерес для понимания развития философских и эстетических воззрений выдающегося мыслителя. Она написана в 1777 г., в период работы Канта над основным своим произведением — «Критикой чистого разума» — и находится, таким образом, на границе между «докритическим» и «критическим» периодами философии Канта. Философ выступил оппонентом на диспуте по диссертации, посвященной поэтике, и поэтому «Тартуская рукопись» — это произведение, в котором значительное внимание уделено проблемам эстетики.

⁶ Публикацию этого автографа *А. В. Гулыгой*, *Л. Н. Столовичем* и *Х. I. Танклером* см. в кн. [4, с. 635, 674—675].

Написанная в непринужденном стиле, образном и ироничном, эта рукопись обсуждает целый ряд философских вопросов, таких как познавательные возможности чувств, соотношение поэзии и философии. Замечательный просветитель иронично высказывается здесь против всяческих суеверий, астрологии и магии, с презрением говорит о «торговле заблуждениями», о стремлении «в поисках выгоды обманывать доверчивую толпу».

«Тартуская рукопись» полностью опубликована в переводе с латинского языка на русский преподавателем классической филологии, ныне профессором Тартуского университета *Анне . Илль* под редакцией и с предисловием автора этого очерка в «Кантовском сборнике» (Калининград, 1985. Вып. 10. С. 120—129), в книге: *Эстетика* Иммануила Канта и современность: Сборник статей по материалам V Кантовских чтений. Калининград — Светлогорск, 1990 год. М.: Знание, 1991. С. 53—62; и в книге автора этих строк «Философия. Эстетика. Смех» (СПб., Тарту, 1999. С. 44—56) с посвящением памяти немецкого кантоведа Рудольфа Мальтера. Аналитическое исследование данной рукописи было предпринято в предисловии к этой публикации и ряде статей автора этого очерка⁷.

Латинская речь Канта, хотя и опубликованная в собрании сочинений Канта и в переводе на немецкий язык в начале XX в., не вошла в научный обиход и даже не упоминалась в специальных работах по эстетике Канта. Обнаружение ее оригинала в Научной библиотеке Тартуского университета, публикация на русском языке и специальные ее исследования дают возможность по достоинству оценить этот труд великого философа.

* * *

Выявлена ли вся кантиана, находящаяся в Тарту? Еще одна находка говорит о том, что поиски могут дать новые результаты. Весной 1986 г. при подготовке выставки экслибрисов в научной библиотеке Тартуского университета была обнаружена книга из личной библиотеки Канта. Это книга Леонарда Крейцера, подаренная автором Канту с дарственной надписью: «Dem großen Stifter der kritischen Philosophie Herrn Professor Kant in Koenigsberg als ein geringes Denkmal seiner aufrichtigsten Verehrung gewidmet von dem Verfasser» («Великому основателю критической философии, господину профессору Канту в Кёнигсберге в качестве маленького памятника, посвященного его искреннейшему почитанию, от автора»). Книга озаглавлена: *Skeptische Betrachtungen über die Freyheit des Willes mit Hinsicht auf die neuesten Theorien über dieselbe von Leonhard Creuzer. Giessen, 1793*. Надпись сделана не на титульном листе, а перед ним. На титульном листе внизу две подписи: G. B. Jäsche, Morgenstern. На книге имеется книжный знак К. Моргенштерна и № 3453. Под этим номером книга значится в каталоге книг и рукописей К. Моргенштерна на с. 200, но не отмечено, что книга подарена Канту. Изучение самой книги показывает, что в ней имеются подчеркивания на страницах 42—44, 47, 49—54, 56, 60—64. На страницах 134—135 имеются отчеркивания в виде фигурных скобок. На с. 135 несколько строчек вписано в текст книги, вероятно, рукой автора. Трудно предположить, кто именно делал подчеркивания. Может быть, Кант, а может быть, и Йеше. Карл Форлендер в своей книге о Канте называет Крейцера среди марбургских последователей Канта в 1790-е гг. [24, Bd. 2, S. 239].

⁷ См.: [6; 5, с. 143—146]. Последняя статья опубликована также в кн. [7, с. 34—43].

Как бы там ни было, но найдена книга, принадлежащая великому Канту. Будем надеяться, что это не последняя находка в поисках тартуской кантианы. Эта надежда, как мы увидим ниже, подтвердилась в 2005 г.

Happy end

После того как мне посчастливилось обнаружить местонахождение тартуской кантианы в Берлине, я рассказал об этом тогдашнему ректору Тартуского университета Арнольду Коопу и даже подал официальное заявление по этому поводу. Однако А. Кооп, узнав, что тартуская кантиана находится в ГДР, оставил это заявление безответным. По этой же причине безрезультатной оказалась попытка обнародовать открытие местопребывания тартуской кантианы в центральной печати СССР: в газете «Правда» заметка об этом открытии даже была набрана, но не опубликована, как сказали, из-за сложностей, возникающих в этой связи, — проблем отношений с ГДР.

Однако, несмотря на явное нежелание людей, причастных к руководству СССР, усложнять свои отношения с ГДР проблемой принадлежности тартуской кантианы, в Эстонии появилось несколько публикаций автора этих строк, связанных с судьбой тартуской части архива Канта, а также посмертной маской Канта (см.: *Столович* - I. О судьбе тартуской Кантианы // Тартуский государственный университет (ТГУ). 1980. 7 и 28 марта; на эстонском языке в еженедельнике «Siir ja vasar» 7 сентября 1984 г.). Эти публикации стали известны в ФРГ и вызвали отклик, а также встречные исследования видных немецких кантоведов (см. [18]).

В «Вестнике агентства печати "Новости"» был опубликован мой материал «Работы эстонских исследователей трудов Канта». Этот материал и аналогичное сообщение ТАСС вызвали множество откликов (мне известно более 30) в газетах и журналах ФРГ, ГДР, Португалии, Кувейта, Кубы, Финляндии, России и других стран. В связи с обнаружением мною в 1984 г. в научной библиотеке Тартуского университета единственной возвращенной в Тарту части тартуской кантианы — рукописи оппонентского отзыва на диссертацию Крейцфельда, так называемой «Тартуской рукописи» Канта — сведения о судьбе всей тартуской кантианы стали публиковаться в некоторых изданиях центральной и периферийной печати (в «Литературной газете» от 8 августа 1984 г., в журнале «Философские науки», 1986, № 1, в «Кантовском сборнике», издаваемом в Калининграде, и других изданиях). Судя по откликам на эти публикации кантоведов, в том числе и немецких, общественность получила информацию о сложной судьбе тартуской кантианы.

История перемещения тартуской части кантовского архива и документы, хранящиеся в Эстонском государственном историческом архиве в Тарту⁸, не оставляют сомнения в том, что тартуская кантиана принадлежит Тартускому университету. Однако, поскольку речь идет о ценнейших документах немец-

⁸ См. архивный фонд «Тартуский университет 1802—1918», где, в частности, имеется письмо Министерства народного просвещения Российской империи на имя ректора Юрьевского (Тартуского) университета с уведомлением о Высочайшем повелении Государя Императора от 18 августа 1895 г. на соизволение высылки рукописей философа Канта, принадлежащих библиотеке Императорского Юрьевского университета, во временное пользование Берлинской академии наук (Ф. 402. Оп. 5. Д. 595. Л. 218—224). Автор выражает благодарность сотруднице архива *Татьяне Шор* за помощь в обнаружении материалов, связанных с отправкой тартуской кантианы в Германию.

кой культуры, понятно стремление сохранить их в Германии. Вместе с тем очевидна юридическая несостоятельность невозвращения собственности Тартуского университета. Не случайно я ощутил явное желание работников архива Академии наук ГДР сохранить в тайне местонахождение тартуской кантианы (показательно, что на запрос о ее местонахождении директор Института философии ГДР Манфред Бур дал отрицательный ответ, в то время как Институт философии помещался в том же самом здании, где располагался Центральный архив Академии наук ГДР, в котором находилась тартуская кантиана). Да и показали мне не все: переплетенный том с заметками и набросками Канта, о котором К. Моргенштерн писал в каталоге («те, которые до тех пор хранились в старом ящике, кожаный верх которого был поеден молью, были мною собраны и определенным образом упорядочены и объединены в другой полуантичный переплет»), я так и не увидел в архиве.

Двусмысленное положение тартуской кантианы препятствовало изучению исследователями кантовского рукописного наследства. Один из вариантов выхода из этого положения был предложен Институтом философии АН СССР: легализовать тартускую кантиану, подарив ее от имени Академии наук СССР ГДР, игнорируя при этом права Тартуского университета. В моем архиве имеется копия письма тогдашнего директора Института философии АН СССР Б. С. Украинцева вице-президенту Академии наук СССР П. Н. Федосееву с предложением о передаче («в дар АН ГДР материалов тартуской кантианы», считая, что «подобный акт доброй воли вполне целесообразен с научной и политической точки зрения»). Как замечательно демонстрировать «акт доброй воли» за чужой счет! К счастью, эта противозаконная акция не состоялась.

С другой стороны, немецкие кантоведы (в частности, крупнейший специалист по кантовским рукописям Вернер Штарк) высказывали мнение, что, каков бы ни был юридический статус кантовских рукописей, они должны быть доступны исследователям из любой страны. В. Штарк в 1993 г. выпустил обстоятельную монографию об исследованиях писем и рукописей Канта, в которой речь идет об истории образования тартуской кантианы и ее поисках [23, S. 19, 206, 208, 280, 343, 359].

В 1995 г. Тартуский университет сделал аргументированный запрос в Германию относительно возвращения тартуской кантианы в Тарту. И вот 22 ноября 1995 г. в 11 часов произошло историческое, без преувеличений, событие: Берлинско-Бранденбургская научная академия и Научная академия в Геттингене возвратили Тартускому университету часть архива Иммануила Канта, которая ровно сто лет назад покинула Тарту. Притом это возвращение произошло без каких-либо бюрократических проволочек, несмотря на то что речь идет о подлинных реликвиях немецкой культуры. Я полагаю, что этот факт является несомненным свидетельством демократичности и правопорядочности современного германского государства. Можно ли было об этом даже подумать в условиях фашистской или социалистической Германии?! Но это историческое событие стало возможным и благодаря доверию немецкой общественности к нынешнему Тартускому университету, который способен обеспечить сохранность бесценных документов немецкой и общечеловеческой культуры и доступность их для исследователей любой страны.

Я был, конечно, необычайно рад такому результату моих 15-летних поисков и исследований тартуской кантианы. В буклете, выпущенном Научной библиотекой в честь возвращения кантианы, была отмечена моя роль в ее обнаружении, а также в списке публикаций, ей посвященных, были перечис-

лены мои работы (одна в соавторстве с А. Гульгой и Х. Танклером) и статья Рудольфа Мальтера «Kantiana in Dooprat (Tartu)», опубликованная в журнале «Kant-Studien» [18], статья, главным образом посвященная моим поискам тартуской кантианы. В газете «Эстония» от 12 декабря 1995 г. за подписью Серафима Шарташского (псевдоним журналиста Ильи Никифорова) была напечатана статья «Ремиграция Иммануила Канта», где отдавалось должное моим трудам и поискам тартуской кантианы, так счастливо завершившимся. Получил я от университета и «премию» ... в виде месячной зарплаты.

P. S.

На полях Эстонии находится множество камней, сохранившихся со времени ледникового периода. Их все время тщательно убирают, но они опять появляются при каждой новой пахоте. Эта ситуация подобна архивным поискам.

Казалось бы, тартуская кантиана исследована вдоль и поперек, но вдруг появляются новые, еще неизвестные документы, связанные с великим Кантом. Одной из таких неожиданных находок стало обнаружение в 2005 г. в архиве Научной библиотеки Тартуского университета листка, являющегося отрывком из черновика письма Канта своему сокласснику по кёнигсбергскому Фридрихсколлегиуму (Königsberger Friedrichskollegium) Давида Рункена (*David Rubnken*, 1723–1798), ставшего одним из выдающихся филологов XVIII в.

Сообщения об этом появились в эстонских газетах: в «Postimees» от 28.12.2005 г. [20] заметка «Tartu Ülikooli raamatukogust leiti filosoof Kanti kiri» [«В библиотеке Тартуского университета найдена рукопись философа Канта»]; в «Eesti Päevaleht» от 28.12.2005 г. [20] была напечатана статья заведующей отделом рукописей и редких книг библиотеки Тартуского университета *Маре Ранд* (*Mare Rand*) «Tähtsast leiust Tartu Ülikooli raamatukogus» [«О важной находке в библиотеке Тартуского университета»]. В 2006 г. была опубликована на немецком языке статья *Маре Ранд* «Rara rarissima im Bibliotheksbestand: Die Tartuer / Doopater Kantiana» [19] = [9, S. 93–109], а в 2007 г. в «Ежегоднике. 2004—2005» библиотеки Тартуского университета ее же исследование «Карл Моргенштерн и тартуская кантиана»⁹, где подробно характеризуется находка рукописи Канта, приводится ее фотография, текст на латинском языке и перевод его на эстонский язык.

Согласно исследованию *Маре Ранд*, найденная в бумагах Моргенштерна рукопись Канта представляет собой намерение ответить на латинское письмо Давида Рункена Канту от 10 марта 1771 г.¹⁰ В этом письме Давид Рункен вспоминает о своем школьном друге, с которым общался 30 лет тому назад и научные способности которого, проявившиеся уже в то время, получили развитие в его последующем жизненном пути. Рункен пишет о своей жизни, о полученном им профессорстве и подчеркивает свой продолжающийся интерес к Платону. Он спрашивает о судьбе в свое время многообещающих школьных друзей *Georg'e David'e Курке* и *Johann'e Lewin'e Porsche*. Письмо Рункена к Канту впервые опубликовал в 1801 г. Фридрих Теодор Ринк (*Frednich Theodor Rink*)¹¹, который учился у профессора Рункена в Лейдене и, возвратившись в Кёнигсберг в 1795 г., вошел в дружеский круг Канта (напом-

⁹ См. [21, lk. 194—195].

¹⁰ Письмо Давида Рункена на латинском языке опубликовано также [16, S. 91—93].

¹¹ Письмо Рункена к Канту было напечатано в приложении к книге Ф. Т. Ринка о Рункене: *Tiberius Hemsterhuys und David Ruhnken: Biografischer Abriss ihres Leben. Königsberg, 1801.*

ним, что именно ему, как и Йеше, Кант доверил издание своих трудов и передал часть своего архива).

В публикации Маре Ранд воспроизводится латинский текст черновика ответного письма Канта Рункену, а также перевод его на эстонский язык [21, лк. 173—175]. Трудночитаемый латинский текст Канта был расшифрован сотрудницей библиотеки Тартуского университета Мари Мурдвее (*Mari Murdvee*).

Ниже приводится текст черновика ответного письма Канта Рункену на русском языке в переводе с латинского оригинала профессора классической филологии Тартуского университета Анне Лилль (*Anne Lill*):

«Нельзя выразить [словами], сколько радости доставило мне послание [письмо], достойным которого ты меня считаешь, особенно потому, что я ясно увидел, несмотря на такой большой промежуток времени, что я не исчез ни из твоей памяти, ни из числа твоих друзей. Ты не сомневайся, что после того, как твоя слава распространилась в образованном мире, достигла она и наших краев, хотя, пожалуй, ты не найдешь среди наших [людей], кто бы прочел твои труды, тем более, что касается изучения древних, то [эти изучения] находятся все у нас. Вопрос о Куркио [Курке]. Ты спрашиваешь о том самом человеке [авторе], который когда-то вызывал интерес к себе среди соучеников? Во всяком случае, у него, у мужа, рожденного для науки в разных ее проявлениях, не потеряна репутация знатока еврейского языка, но так как его [научные] стремления презираются и вряд ли способствуют получению прибыли, он предпочитает прелестям науки отрады своего садика и никогда не прославится. Porschius [Porsche], некогда гордость школы, в Академии был малозаметным. Будучи человеком замкнутым, два года назад ушел из курии [curiis] и стал пастором Haberberg'ской церкви [в Кёнигсберге]. Что касается меня, то разной чередой шла моя жизнь — то из-за стесненного материального положения в домашних делах, то из-за слабого здоровья. Положение изменилось мало-помалу, когда позднее, а именно 15 лет назад, я посвятил себя преподавательской работе в академии. В течение этого периода времени у меня была всегда большая аудитория, и я пользовался популярностью у публики, обрел довольно приятную жизнь в соотвествии со своими привычками, не заботясь о будущих средствах или положении, соблазненный прелестями научных занятий и общением с друзьями».

На этом месте рукопись обрывается.

Найденный черновик письма Канта Рункену не датирован, но он, очевидно, написан после известного письма Рункена Канту от 10 марта 1771 г.

В исследованиях Маре Ранд на основе архивных материалов университетской библиотеки четко прослеживается состояние тартуской кантианы, ее изучение и частичное опубликование основателем библиотеки Дерптского-Тартуского университета Карлом Моргенштерном. Моргенштерн также проявлял большой интерес к деятельности Рункена, издал два его письма и намеревался, судя по сохранившейся в его архиве копии письма Рункена к Канту от 10 марта 1771 г., переиздать и его. Вероятно, для этого он отложил черновик кантовского письма, отделив его от других рукописных набросков Канта, полученных им от Йеше. Его-то Маре Ранд и нашла в архиве Моргенштерна только в 2005 г.

Еще Ф. Т. Ринк пытался обнаружить в архиве Рункена в Лейдене ответ на его письмо Канту. Но на свой запрос он получил отрицательный ответ. В последующие времена это письмо также не было найдено. Маре Ранд делает предположение, что Рункен, возможно, вообще не получил ответ на свое письмо. Однако вряд ли Кант оставил без ответа письмо своего выдающегося соклассника, к которому, судя по черновику письма, он продолжал дружески относиться, хотя, как отмечают исследователи, Кант не был аккуратным кор-

респондентом, несмотря на то что основатель критической философии вошел в историю и своей пунктуальностью. Ответное письмо Канта к Рункену, если оно вообще было написано и сохранилось, не может не быть предметом дальнейших поисков.

Какие еще драгоценные камни кантианы обнаружатся при последующей исследовательской «пахоте»?

1987 — 2007.

Список литературы

1. *Архив* научной библиотеки Тартуского университета. Ф. 4. Оп. 1. Ед. хр. 982.
2. Блюм В. Р., Танклер Х.. 1. Автографы философов в научной библиотеке Тартуского университета // Вопросы философии. 1982. № 8.
3. *Вопросы* теоретического наследия Иммануила Канта. Вып. 4. Калининград, 1979.
4. *Кант И.* Трактаты и письма. М., 1980.
5. Столович . I. Н. Место «Тартуской рукописи» Канта в его эстетическом учении // Философские науки. 1986. №1.
6. Столович . I. Рукопись, найденная в Тарту: Из эстетического наследия Иммануила Канта // Литературная газета. 1984. 8 авг.
7. Столович . I. Философия. Эстетика. Смех. СПб.; Тарту, 1999.
8. *Ученые* записки Тартуского государственного университета. Вып. 124. Тарту, 1962.
9. Фишер К. Истории новой философии. Т. 4. СПб., 1910.
10. *Bücher und Bibliotheken im Ostseeraum vom 16. bis zum 18. Jahrhundert* / edited by Lea Kõiv, Tiit Reimo. Tallinn, 2006.
11. *Catalogus* mss. et bibliothecae Carol Morgenstern. Dorpati, 1868.
12. Eesti Päevaleht (28.12.2005). [Электрон. ресурс]. Режим доступа: //http://www.epl.ee/artikkel.php?ID=308263
13. *Eine* lateinische Rede 1mm. Kants als außerordentlichen Opponenten gegenüber Johann Gottlieb Kreuzfeld. Mitgeteilt von A. Warda // Altpreuussische Monatsschrift. 1911.
14. *Glasen K. H.* Kant-Bildnisse. Königsberg, 1924.
15. *Hemsterhuys T., Ruhnken D.* Biografischer Abriss ihres Leben. Königsberg, 1801.
16. *Kant I.* Briefwechsel. Hamburg, 1972. № 39 [65].
17. *Kant's* Gesammelte Schriften. Dritte Abteilung. Handschriftlicher Nachlaß. Zweiter Band, Erste Hälfte. Berlin, 1913.
18. *Malter R.* Kantiana in Dorpat (Tartu) // Kant-Studien. 1983. H. 4.
19. *Parhomenko E.* Gottlob Benjamin Jasche Immanuel Kanti loengute valjaandjana, *Studia Philosophica*. I (37). Tartu, 1993.
20. *Postimees* (28.12.2005). [Электрон. ресурс]. Режим доступа: //http://www.postimees.ee/301205/otsing.php
21. *Rand M.* Karl Morgenstern ja Tartu Kantiana // Tartu Ülikooli Raamatukogu. AASTARAAMAT 2004—2005. Tartu, 2007.
22. *Rand M.* Rara rarissima im Bibliotheksbestand: Die Tartuer / Dorpater Kantiana // Books and libraries in the Baltic Sea Region from the 16th to the 18th century: [papers of the academic conference: April 4—5, 2002, Tallinn].
23. *Stark W.* Nachforschungen zu Briefen und Handschriften Immanuel Kants. Berlin, 1993.
24. *Vorländer K.* Immanuel Kant: Der Mann und das Werk. Hamburg, 1977.

Об авторе

Столович . леонид Наумович — д-р филос. наук, проф., Тартуский университет, stol@ut.ee.